

более церковными. Особенно обильными были в XVII в. переработки повестей о Николе в духе сближения с фольклором. Публикуемые ниже тексты повестей по редакциям „сказания“, „воинским“ и „стрелецкой“, свидетельствуют об этом достаточно красноречиво. Важно при этом отметить, что переработки XVII в. текста в духе фольклора основываются в первую очередь на жанровых сближениях литературы устной и письменной: воинские эпизоды повести подвергаются некоторой переработке, сближающей их с былинной традицией, а в плаче Ингоря Ингоревиича ощущается воздействие народных причетей.

* * *

В цикле повестей о Николе Заразском, несомненно, чувствуется древняя, весьма близкая по времени возникновения к изображаемым событиям основа. В цикле отображены отдельные исторические факты, в летописи не зарегистрированные. В нем иначе, а частично и полнее, чем в летописи, представлен „род“ рязанских князей. В нем сохранена старая, домонгольская еще, воинская дружинная фразеология (особенно в обращениях рязанского князя Юрия Ингоревиича к своей дружине). В похвале доблестям рязанских князей отмечены весьма архаические качества („к боярам ласковы“, „на пирование тщивы, до осподарьских потех охочи“, „ко греческим царем велику любовь имуща, и дары у них многи взимающа“, „а с погаными половцы часто бьяцся за святыя церкви и православную веру“, „и ласкою своею многих от неверных царей детей их и братию к себе примаста и на веру истинную обрацста“.¹ Следует отметить также неоднократно обращавшую на себя внимание архаическую лексику повести.²

В основе своей текст цикла повестей о Николе Заразском независим от какой-либо из дошедших до нас летописей и дает много отличного от летописей нового материала. Отметим, например, отличающееся от летописного родословие рязанских князей. Попытки разобраться в генеалогии рязанских князей в повестях о Николе Заразском³ пока-что не привели к общепризнанным результатам. Объясняется это, очевидно тем,

¹ Имеются в виду аманаты, бравшиеся русскими князьями у половцев. Институт этот с нашествием Батия исчез.

² Не могу, впрочем, согласиться с В. Л. Комаревичем, усматривавшим особый архаизм в слове „насочи“ основной редакции А (цит. соч., стр. 67). Слово это действительно встречается в весьма древних памятниках — у Иосифа Флавия (по изданию В. М. Истрина, т. I, стр. 228 и 230), в Прологе XIII в. (БАН, 4, 9, 20, л. 182), в Прологе XIV в. (БАН, 17, 11, 4, л. 293), однако наряду с этим — в Летописи Авраамки (ПСРА, т. XVI, стр. 190, под 1446 г.), в Псковской судной грамоте (см. „Исторические записки“, № 6, стр. 287), а также в Великих четьях минеях (декабрь, 1112).

³ Н. М. Карамзин. ИГР, т. III, гл. VIII; А. В. Экземплярский. Великие удельные князья Северной Руси, т. II, стр. 570—572; Д. И. Иловайский. История Рязанского княжества. 1858; А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства. П., 1918, стр. 225—226.